

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А.Алексеева, Я.Н.Евтушенко и Д.А.Исакова

город Санкт-Петербург

23 сентября 2014 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан Н.А.Алексеева, Я.Н.Евтушенко и Д.А.Исакова. Основанием к рассмотрению дела явилась

обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителями законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.С.Бондаря, исследовав представленные документы и иные материалы, включая письменные отзывы полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.И.Александрова и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Статьей 6.21 КоАП Российской Федерации установлена административная ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, выразившуюся в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния (часть 1), а также введены специальные составы соответствующих административных правонарушений, сформулированные по признакам особых субъектов и средств их совершения (части 2–4).

Конституционность статьи 6.21 КоАП Российской Федерации оспаривают граждане Н.А.Алексеев, Я.Н.Евтушенко и Д.А.Исаков, которые за совершение административных правонарушений, предусмотренных ее частью 1, были привлечены к административной ответственности с назначением каждому административного наказания в виде административного штрафа в размере 4000 рублей.

1.1. Постановлением мирового судьи судебного участка № 5 Октябрьского судебного района города Архангельска от 3 декабря 2013 года (оставлено без изменения решением Октябрьского районного суда города Архангельска от 23 января 2014 года) установлено, что Н.А.Алексеев проводил в общественном месте – у здания детской библиотеки одиночный пикет с целью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, выразившейся в демонстрации плакатов с текстами «Гей-пропаганды не существует» и «Геями не становятся, геями рождаются!». Обстоятельства, изложенные в протоколе об административном правонарушении, Н.А.Алексеев не оспаривал, но при этом утверждал, что его действия не являлись пропагандой, а были направлены на распространение объективной информации, которая не может нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию несовершеннолетних. Однако его доводы судом были отклонены как противоречащие материалам дела.

Постановлением того же мирового судьи от 3 декабря 2013 года (оставлено без изменения решением Октябрьского районного суда города Архангельска от 23 января 2014 года) установлено, что в том же общественном месте аналогичную акцию проводил Я.Н.Евтушенко, помогая Н.А.Алексееву держать плакаты с указанными надписями. Доводы Я.Н.Евтушенко о том, что данное публичное мероприятие имело целью не пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, а исключительно информационное воздействие на несовершеннолетних, судом были отклонены как не нашедшие подтверждения в материалах дела.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 3 Советского судебного района города Казани от 19 декабря 2013 года (оставлено без изменения решением Советского районного суда города Казани от 11 февраля 2014 года), вынесенным в отношении Д.А.Исакова, установлено, что им было проведено публичное мероприятие в форме одиночного пикета, в ходе которого использовался плакат с текстом «Быть геем и

любить геев – это нормально. Бить геев и убивать геев – это преступно». Суд пришел к выводу, что содержащаяся в тексте информация представляет собой пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений. Доводы Д.А.Исакова, утверждавшего, что пикетирование проводилось с единственной целью – обратить внимание общества на недопустимость применения насилия к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией, были признаны несостоятельными, тем более что к распространявшейся им информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, имели доступ несовершеннолетние.

1.2. Как следует из статей 3, 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобы граждан на нарушение их конституционных прав и свобод законоположениями, примененными в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что эти законоположения затрагивают конституционные права и свободы граждан и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли они Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм; при этом Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права и воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов.

Нарушение статьей 6.21 КоАП Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 29 (части 1, 2 и 4) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, граждане Н.А.Алексеев, Я.Н.Евтушенко и Д.А.Исаков связывают с тем, что введенный ею запрет, исключая распространение среди несовершеннолетних любой информации о гомосексуальности, в том числе содержащей лишь утверждение о социальной равноценности близких отношений между людьми разного пола и между людьми одного пола, не имеет под собой разумных оснований. По мнению заявителей, такой запрет основан на предрассудках, в силу которых негетеросексуальные отношения осуждаются как безнравственные, а следовательно, влечет умаление достоинства граждан негетеросексуальной ориентации, а также дискриминацию по признаку сексуальной ориентации.

Поскольку применение судами частей 2–4 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации в конкретных делах с участием заявителей представленными материалами не подтверждается, производство по их жалобе в этой части, как не отвечающей критерию допустимости в соответствии с требованиями статьи 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», подлежит прекращению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, как предусматривающая наложение административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, выразившуюся в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о

нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

1.3. Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев предложение гражданина Н.А.Алексеева, выраженное им от своего имени, о проведении публичного слушания по настоящему делу после вынесения Европейским Судом по правам человека постановлений по находящимся в его производстве жалобам граждан Российской Федерации, в отношении которых были применены нормы законов ряда субъектов Российской Федерации, аналогичные содержащейся в части 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, полагает, что в данном случае увязывание возможности разрешения дела в порядке конституционного судопроизводства с вынесением соответствующего постановления Европейским Судом по правам человека не имеет оснований.

Согласно статье 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Жалоба граждан Н.А.Алексеева, Я.Н.Евтушенко и Д.А.Исакова принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению, т.е. находится в его производстве, а потому – по смыслу указанного предписания Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 46 (части 1 и 2), 118 (части 2 и 3), 125 (часть 4) и 126 – нельзя считать, что до вынесения итогового решения по настоящему делу для заявителей исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Следует также принять во внимание, что к компетенции Европейского Суда по правам человека, как субсидиарного по своему характеру межгосударственного судебного органа по разрешению конкретных дел, не относится осуществление нормоконтроля, т.е. проверка внутригосударственного законодательства на предмет его соответствия

Конвенции о защите прав человека и основных свобод. С учетом этого и исходя из принципов верховенства, высшей юридической силы и прямого действия Конституции Российской Федерации, закрепленных ею в качестве основ конституционного строя Российской Федерации (статья 4, часть 2; статья 15, части 1 и 2), нельзя признать обоснованным и представление об инстанционной и содержательной взаимозависимости постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, который осуществляет проверку конституционности норм закона, примененных в конкретном деле судом, и Европейского Суда по правам человека, который устанавливает наличие нарушения в этом деле прав и свобод, получивших закрепление в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Что касается возможных расхождений в позициях Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, то их возникновение, как следует из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 года № 27-П, предполагает обращение к соответствующим процессуальным механизмам преодоления такого рода коллизий.

При таких обстоятельствах и поскольку граждане Н.А.Алексеев, Я.Н.Евтушенко и Д.А.Исаков имели возможность достаточно полно изложить свою позицию, в том числе представить, как это сделал Н.А.Алексеев, возражения на отзыв представителя стороны, принявшей и подписавшей оспариваемый нормативный правовой акт, Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным рассмотреть настоящее дело в порядке статьи 47¹ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» без проведения слушания.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России как демократическом правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита на основе равенства всех перед законом и судом – обязанностью государства (статья 1, часть 1; статья 2; статья 19, части 1 и 2); права и свободы человека

и гражданина являются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, утверждая приоритет личности и ее прав во всех сферах, обязывает государство охранять достоинство личности (статья 21, часть 1) как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения; поскольку ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности, постольку никто не может быть ограничен в защите законными способами своего достоинства, а также всех связанных с ним прав и свобод (постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 25 апреля 2001 года № 6-П и от 20 апреля 2006 года № 4-П; определения от 15 февраля 2005 года № 17-О, от 1 марта 2010 года № 323-О-О и др.).

2.1. Конституционное признание достоинства личности основополагающей ценностью российской государственности предполагает обязанность Российской Федерации предоставлять гражданам гарантии от любого необоснованного вмешательства в сферу их индивидуальной автономии и одновременно с этим – соблюдая вытекающие из Конституции Российской Федерации, ее статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3), критерии и пределы возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина – создавать им реальные возможности для свободного самоопределения и самовыражения.

В силу принципа индивидуальной автономии личности, как он отражен в статьях 22 (часть 1), 23 (часть 1), 28 и 29 (части 1–4) Конституции Российской Федерации, гарантирующих каждому право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, свободу выбирать, иметь и распространять свои убеждения и действовать

сообразно с ними, свободу мысли и слова, право не быть принужденным к выражению своих мнений и убеждений и отказу от них, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, каждый человек вправе вести тот или иной, в наибольшей степени отвечающий его наклонностям и представлениям, образ жизни, он свободен в определении своих убеждений и предпочтений и может беспрепятственно их придерживаться, а государство должно не допускать произвольного вторжения в сферу частной жизни, уважать связанные с нею различия.

Относящаяся к данной сфере свобода сексуального самоопределения подразумевает существование объективных различий в сексуальной идентичности и возможность для лиц, по общему правилу, достигших совершеннолетия, выбирать любые не сопряженные с насилием и причинением вреда жизни или здоровью либо угрозой его причинения конкретные варианты сексуального поведения, включая те, которые большинством могут оцениваться неодобрительно, в том числе с точки зрения этических, религиозных и иных представлений, сложившихся в конкретно-исторических социокультурных условиях развития данного общества. Соответственно, сами по себе сексуальные контакты, не подпадающие под уголовно-правовой запрет действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, по обоюдному согласию между лицами одного пола не находятся ни под запретом международно-правовых норм, ни под запретом Конституции Российской Федерации, статья 19 (часть 2) которой гарантирует защиту равным образом всем лицам, вне зависимости от их сексуальной ориентации, а сексуальная ориентация как таковая не может служить правомерным критерием установления различий в правовом статусе человека и гражданина.

В свою очередь, государство призвано принимать меры, направленные на исключение возможных ущемлений прав и законных

интересов лиц по мотиву их сексуальной ориентации, и обеспечивать эффективные возможности для защиты и восстановления их нарушенных прав на основе закрепленного в статье 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации принципа равенства всех перед законом и судом. Данный конституционный принцип, предполагающий в том числе недопустимость ограничения в правах и свободах либо установления каких-либо преимуществ в зависимости от принадлежности к тем или иным социальным группам, под которыми могут пониматься и группы лиц с определенной сексуальной ориентацией, конкретизирован в нормах отраслевого законодательства (статья 3 Трудового кодекса Российской Федерации, пункт 6 статьи 25 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 года № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», пункт 4 части 1 статьи 18 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», пункт 4 части 1 статьи 13 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», пункт 2 части 1 статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и др.). Государственно-правовая охрана от дискриминации, в том числе по мотиву принадлежности или непринадлежности к каким-либо социальным группам, обеспечивается также применением мер административной (статья 5.62 КоАП Российской Федерации) и уголовной (пункт «е» части первой статьи 63 и статья 136 УК Российской Федерации) ответственности.

2.2. Поскольку в Российской Федерации – в силу вытекающих из статей 13 (части 1–3), 19 (часть 1) и 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации требований равенства всех перед законом, политического и идеологического многообразия, свободы искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом – в условиях демократического общества вопросы, связанные с сексуальным

самоопределением, не исключаются из публичного обсуждения, граждане, в том числе и те, чья сексуальная ориентация отличается от общепринятой, не могут быть лишены возможности в целях защиты своих прав и законных интересов или прав и законных интересов других лиц (социальных групп) использовать для привлечения внимания общественности к имеющимся фактам их нарушений все не запрещенные законом способы, в частности посредством организации и проведения публичных мероприятий или через средства массовой информации.

Конституция Российской Федерации, не устанавливая для свободы слова и свободы распространения информации какие-либо идеологические или мировоззренческие критерии и ограничения и не предполагая навязывание большинством своих убеждений и предпочтений меньшинству, не дает, таким образом, оснований для установления запрета на ведение общественных дискуссий о сексуальных отношениях, включая нетрадиционные, и об обеспечении прав, свобод и законных интересов сексуальных меньшинств, притом что оскорбляющая общественную нравственность форма подачи информации, касающейся сферы сексуальных отношений, недопустима применительно к сексуальным установкам как большинства членов общества, так и тех его членов, которые придерживаются нетрадиционных предпочтений. Не должно служить препятствием для ведения подобных дискуссий и то обстоятельство, что сама по себе приверженность нетрадиционным сексуальным установкам для многих может выглядеть оскорбительной с точки зрения принятых в российском обществе норм морали или иным образом посягающей на общественную нравственность и связанные с этим права, свободы и законные интересы других лиц, поскольку в Российской Федерации в качестве важного элемента ее конституционно-правовой характеристики как правового демократического государства предполагается возможность свободного отображения в общественном дискурсе и в информационном поле различных взглядов и суждений.

Вместе с тем – исходя из требований статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – осуществление гражданами права на распространение информации, касающейся вопросов сексуального самоопределения личности, не должно нарушать права и свободы других лиц, а в правовом регулировании данного права, равно как и иных прав и свобод человека и гражданина, должен обеспечиваться баланс конституционно значимых ценностей. Следовательно, учитывая деликатность таких вопросов, как относящихся к сфере индивидуальной автономии, и не посягая на само ее существо, государство вправе вводить на основе указанных требований Конституции Российской Федерации определенные ограничения на деятельность, связанную с распространением подобной информации, если она приобретает агрессивный, навязчивый характер и способна причинить вред правам и законным интересам других лиц, прежде всего несовершеннолетних, и является оскорбительной по форме.

Конституция Российской Федерации не дает оснований для признания безусловной правомерности публичной деятельности, направленной на дискредитацию, склонение к отрицанию конституционно значимых нравственных ценностей, предопределенных историческими, культурными и иными традициями многонационального народа Российской Федерации. Такой подход соотносится с предписаниями Всеобщей декларации прав человека, предусматривающей – на основе признания обязанностей человека перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности, – допустимость ограничений в осуществлении прав и свобод человека законом, в том числе с целью удовлетворения справедливых требований морали (пункты 1 и 2 статьи 29), а также Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 10) и Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 19), согласно которым право свободного выражения своего мнения налагает обязанности и ответственность и может быть сопряжено с определенными

формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе, в частности, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации и прав других лиц.

Приведенные положения международно-правовых актов носят общий характер, в мировом же сообществе, равно как и в практике различных национальных конституционно-правовых систем, отсутствует консенсус относительно понимания пределов как самой по себе сексуальной автономии личности, так и распространения информации, касающейся сексуальных отношений, нормативного определения непристойного поведения, условий и критериев, на основе которых оно может быть признано общественно опасным и подлежит запретительному государственно-правовому воздействию. В законодательстве Российской Федерации механизмы реализации этих положений, являющихся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы России, основаны на традиционных представлениях о гуманизме в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик, в частности на сформировавшихся в качестве общепризнанных в российском обществе (и разделяемых всеми традиционными религиозными конфессиями) представлениях о браке, семье, материнстве, отцовстве, детстве, которые получили свое формально-юридическое закрепление в Конституции Российской Федерации, и об их особой ценности. Соответственно, распространение лицом своих убеждений и предпочтений, касающихся сексуальной ориентации и конкретных форм сексуальных отношений, не должно ущемлять достоинство других лиц и ставить под сомнение общественную нравственность в ее понимании, сложившемся в российском обществе, поскольку иное противоречило бы основам правопорядка.

При определении конституционно допустимых пределов свободного распространения в обществе личных убеждений и предпочтений должен также учитываться установленный статьей 29 (часть 1) Конституции Российской Федерации запрет пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, который обязывает законодателя стремиться к тому, чтобы, действуя в рамках своих конституционных полномочий и самостоятельно оценивая состояние и тенденции развития российского общества на конкретном историческом этапе, предотвращать проявления социальной агрессии на почве демонстративного (публичного) отрицания конституционно значимых нравственных ценностей или пренебрежения ими. Правоприменители же не должны быть лишены возможности при оценке конкретной ситуации, связанной с распространением информации, касающейся сексуальных отношений (особенно если она затрагивает деликатную и неоднозначно воспринимаемую в обществе проблематику нетрадиционной сексуальной ориентации), принять меры, направленные на минимизацию или недопущение угрозы законности, правопорядку, общественной безопасности, а также жизни и здоровью граждан, включая тех, кто распространяет соответствующую информацию.

2.3. Таким образом, Конституция Российской Федерации предполагает, что закрепленное ею требование уважения и охраны достоинства личности утверждается и реализуется в Российской Федерации посредством обеспечения равной для всех защиты прав и законных интересов, в том числе для тех, кто имеет нетрадиционные предпочтения в личной (включая сексуальную) жизни. Установление же пределов осуществления свободы слова и свободного распространения информации обусловлено, как указано в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2013 года № 1718-О, необходимостью обеспечения баланса интересов всех членов российского общества – как разделяющих общепризнанную систему ценностей, так и ориентированных

на иные, отступающие от традиционных, модели поведения, и относится к дискреционным полномочиям законодателя, который призван согласовывать осуществляемое им нормативно-правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина с представлениями, сложившимися в обществе в конкретно-исторических условиях его развития.

3. Согласно Конституции Российской Федерации материнство и детство, семья находятся под защитой государства; вопросы защиты семьи, материнства, отцовства и детства относятся к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (статья 38, часть 1; статья 72, пункт «ж» части 1).

По смыслу названных конституционных положений, семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства. Соответственно, именно на основе традиционных представлений об этих ценностях в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик Российская Федерация вправе решать отдельные вопросы законодательного регулирования в сферах, затрагивающих сексуальные и связанные с ними межличностные отношения, не отрицая при этом необходимость учета требований Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов как относительно индивидуальной автономии личности, так и относительно свободы распространения информации.

Поскольку одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей, в основе законодательного подхода к решению вопросов демографического и социального характера в области семейных отношений в Российской Федерации лежит понимание брака как союза мужчины и

женщины, что в полной мере согласуется с предписаниями статей 7 и 38 Конституции Российской Федерации и не противоречит Международному пакту о гражданских и политических правах (статья 23) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 12), предусматривающим возможность создания семьи в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права.

Исходя из этого и учитывая, что ни из Конституции Российской Федерации, ни из принятых на себя Российской Федерацией международно-правовых обязательств не вытекает обязанность государства по созданию условий для пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 года № 496-О и от 19 января 2010 года № 151-О-О), осуществляемое федеральным законодателем на основании статьи 71 (пункт «в») Конституции Российской Федерации регулирование свободы слова и свободы распространения информации не предполагает создание условий, способствующих формированию и утверждению в обществе в качестве равнозначных иных, отличных от общепризнанных, трактовок института семьи и сопряженных с ним социальных и правовых институтов.

3.1. Конституционным признанием ценностей семьи, материнства, отцовства, детства определяются, в частности, характер и содержание правового регулирования в сфере государственной защиты прав несовершеннолетних, которое, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 18 июля 2013 года № 19-П, должно в приоритетном порядке гарантировать им защиту достоинства личности, права на жизнь, права на свободу и личную неприкосновенность, с тем чтобы обеспечить безопасность каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях. Этими целями обусловлена также необходимость

использования в правовом регулировании оптимального правового инструментария, позволяющего – с соблюдением требований статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – оградить ребенка от воздействия информации, способной причинить вред его здоровью и развитию, в частности информации, сопряженной с агрессивным навязыванием конкретных моделей сексуального поведения, формированием искаженных представлений о социально признанных моделях семейных отношений, соответствующих общепринятым в российском обществе нравственным ценностям в их конституционно-правовом выражении.

Изложенные подходы, вытекающие из Конституции Российской Федерации и практики Конституционного Суда Российской Федерации, соотносятся с положениями Конвенции ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, которая исходит из того, что семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей должны быть предоставлены необходимая защита и содействие, с тем чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества (преамбула); государства же в целях обеспечения здорового развития ребенка обязаны, в частности, защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения (статья 6, пункт 2; статья 34).

Во исполнение конституционной обязанности государства по защите прав несовершеннолетних и исходя из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, воспитания в них высоких нравственных качеств и гражданственности Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» устанавливает, как следует из его преамбулы, основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, в целях создания правовых, социально-экономических условий для их реализации, в том числе

обязывает органы государственной власти Российской Федерации принимать меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию (пункт 1 статьи 14).

Конституционные приоритеты в области защиты семьи, материнства и детства конкретизированы также в нормах Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», которыми, согласно части 1 его статьи 1, регулируются отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой информации, содержащейся в информационной продукции. Названный Федеральный закон, особо оговаривая, что его действие не распространяется, в частности, на отношения в сфере оборота информационной продукции, содержащей научную, научно-техническую, статистическую информацию, и оборота информационной продукции, имеющей значительную историческую, художественную или иную культурную ценность (часть 2 статьи 1), дает определение таких понятий, как «информационная безопасность детей» и «информация, причиняющая вред здоровью и (или) развитию детей» (статья 2), а также вводит классификацию информационной продукции по возрастным категориям детей (глава 2).

Статья 5 данного Федерального закона к информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, относит информацию, касающуюся сексуальных отношений, распространение которой среди детей либо запрещено, как это установлено, в частности, применительно к пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений (часть 2), либо ограничено для детей определенных возрастных категорий (часть 3) исходя из традиционных представлений об общественной нравственности и правопорядке, а также с учетом степени их психического развития, и предполагает соответствующий контроль со стороны педагогов и

родителей. Из необходимости адаптации такой информации к возрастным особенностям детей исходит и Конвенция ООН о правах ребенка, в статье 5 которой нашел отражение принцип учета конкретного уровня развивающихся способностей ребенка при осуществлении в отношении ребенка родителями и, в соответствующих случаях, иными ответственными за ребенка лицами контроля и руководства. Равным образом ратифицированная Российской Федерацией Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 года обязывает государство принимать законодательные или иные меры, обеспечивающие включение в программы начального и среднего школьного образования информации об опасностях, связанных с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями, а также о способах защиты, адаптированной к особенностям развития детей; соответствующая информация должна предоставляться (если необходимо, во взаимодействии с родителями) в более широком контексте полового воспитания, и в ней особое внимание уделяется ситуациям повышенной опасности, в особенности связанным с использованием новых информационно-коммуникационных технологий (статья 6).

3.2. В целях защиты прав и свобод человека и гражданина, семьи, материнства и детства, обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности Конституция Российской Федерации, как следует из ее статей 1 (часть 1), 15 (части 1 и 2), 38 (часть 1), 45 (часть 1), 71 (пункты «а», «в», «е», «о»), 72 (пункты «б», «е», «ж», «к» части 1) и 76 (части 1 и 2), позволяет федеральному законодателю использовать все доступные – в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий – средства, руководствуясь при этом общими принципами юридической ответственности, которые, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, имеют универсальное значение и по своей сути относятся к основам конституционного правопорядка. В сфере защиты прав и законных интересов ребенка таким средством выступает

административно-правовой запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, введение которого призвано способствовать предотвращению негативного влияния, могущего быть оказанным на их формирование внешним информационным воздействием.

В соответствии с частью 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации административная ответственность за пропаганду среди несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных отношений наступает в случае распространения информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Цель, которую преследовал федеральный законодатель при установлении данной нормы, – оградить ребенка от воздействия информации, способной подтолкнуть его к нетрадиционным сексуальным отношениям, приверженность которым препятствует выстраиванию семейных отношений, как они традиционно понимаются в России и выражены в Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации признает, что возможность влияния соответствующей информации, даже поданной в навязчивой форме, на будущую жизнь ребенка не является безусловно доказанной. Тем не менее, исходя из специфики общественных отношений, связанных с оказанием информационного воздействия на лиц, не достигших совершеннолетия и потому находящихся в уязвимом положении, федеральный законодатель в рамках правового регулирования распространения среди несовершеннолетних информации о нетрадиционных сексуальных отношениях вправе – имея в виду вытекающую из Конституции Российской

Федерации в единстве с международно-правовыми актами приоритетную цель обеспечения прав ребенка и при достижении баланса конституционно защищаемых ценностей – использовать для оценки необходимости введения тех или иных ограничений критерии, основанные на презумпции наличия угрозы интересам ребенка, тем более что вводимые им ограничения касаются только адресной направленности соответствующей информации лицам определенной возрастной категории и потому не могут рассматриваться как исключающие возможность реализации конституционного права на свободу информации в этой сфере.

Запрет осуществления указанных в части 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации публичных действий в отношении несовершеннолетних призван предотвратить повышенную концентрацию их внимания на вопросах сексуальных отношений, способную при неблагоприятном стечении обстоятельств в значительной степени деформировать представления ребенка о таких конституционных ценностях, как семья, материнство, отцовство и детство, и негативно отразиться не только на его психологическом состоянии и развитии, но и на социальной адаптации. Тот факт, что такой запрет не распространяется на случаи, связанные с пропагандой аморального поведения в рамках традиционных сексуальных отношений, которые также могут требовать государственного, в том числе административно-деликтного, реагирования, не дает оснований для признания данной нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации с точки зрения нарушения принципов равенства применительно к защите конституционных ценностей, которые обеспечивают непрерывную смену поколений. При этом Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что косвенным объектом ее защиты являются также социальные связи каждой конкретной личности, поскольку навязывание несовершеннолетним социальных установок, отличающихся от общепринятых в российском обществе, в том числе не разделяемых, а в ряде случаев воспринимаемых как неприемлемые,

родителями, которые в приоритетном порядке несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, обязаны заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии (статья 38, часть 2, Конституции Российской Федерации; пункт 1 статьи 63 Семейного кодекса Российской Федерации), может провоцировать социальное отчуждение ребенка и препятствовать его благополучному развитию в семейной среде, тем более если иметь в виду, что конституционное равноправие, предполагающее и равенство прав независимо от сексуальной ориентации, еще не предопределяет наличия фактически равнозначной оценки в общественном мнении лиц с различной сексуальной ориентацией, с чем могут быть сопряжены объективные трудности при стремлении избежать негативного отношения отдельных представителей общества к соответствующим лицам на бытовом уровне. Это касается и тех случаев, когда сама по себе информация, запрещенная к распространению в среде несовершеннолетних, может быть направлена, с точки зрения ее распространителя, на преодоление как такового негативного отношения к этим лицам.

Устанавливая специальный (ограничительный) правовой режим распространения информации, касающейся нетрадиционных сексуальных отношений, ее доступности для несовершеннолетних, федеральный законодатель принимал во внимание и социально-психологические особенности личности ребенка, связанные с восприятием такой информации. И хотя избранный им возрастной критерий также является – в контексте неоднозначности экспертных оценок относительно возраста, в котором происходит окончательное формирование сексуальных предпочтений, – в определенном смысле оценочным, он придает ограничению, предусмотренному частью 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, точечный, по существу, характер, что снимает проблему его соразмерности в указанном аспекте.

При этом сам по себе запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений – как деятельности по целенаправленному и бесконтрольному распространению информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе сформировать искаженные представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, – среди несовершеннолетних, которые в силу возраста не могут самостоятельно критически оценить полученные сведения, не исключает подачи соответствующей информации в нейтральном (просветительском, художественном, историческом) контексте. Такое информирование, если оно лишено признаков пропаганды, т.е. не направлено на формирование предпочтений, связанных с выбором нетрадиционных форм сексуальной идентичности, и обеспечивает индивидуализированный подход, учитывающий особенности психического и физиологического развития детей в той или иной возрастной группе, характер конкретного освещаемого вопроса, может осуществляться с привлечением специалистов – педагогов, медиков, психологов.

3.3. Часть 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, как следует из ее содержания, исходит из недопустимости пропаганды среди несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных отношений или навязывания им информации о таких отношениях любыми лицами – вне зависимости от их сексуальной ориентации. Использованный в данной норме термин «нетрадиционные сексуальные отношения», как и конструкция «искаженное представление о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений» обусловлены лишь ее целевым назначением, не означают негативной оценки государством нетрадиционных сексуальных отношений как таковых, не направлены на умаление чести и достоинства граждан, практикующих подобные отношения.

Соответственно, часть 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации сама по себе и в системе действующего в Российской Федерации правового

регулирования не может рассматриваться как содержащая официальное порицание нетрадиционных сексуальных отношений, в частности гомосексуализма, и тем более их запрет. Иное ее истолкование, как допускающее ограничение прав и свобод человека и гражданина исключительно по признаку сексуальной ориентации, противоречило бы конституционным принципам равенства и недопущения дискриминации.

Учитывая деликатный характер вопросов, касающихся сексуального самоопределения личности, неразрывно связанного с правом на частную жизнь и индивидуальную автономию как конституционными ценностями, вмешательство в которые со стороны государства должно быть минимальным, запрет на пропаганду среди несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных отношений или навязывание им информации о таких отношениях не подлежит расширительному толкованию и его необходимо рассматривать в контексте обстоятельств, на которые сделан акцент в части 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации и которыми только при таком – узконаправленном – толковании может быть оправдано отступление от общих конституционно защищаемых принципов индивидуальной автономии, невмешательства в частную жизнь и свободы слова, при условии обеспечения баланса с другими конституционными ценностями, включая защиту семьи, материнства, отцовства и детства. При этом в данной норме – принимая во внимание конструкцию статьи 6.17 КоАП Российской Федерации, устанавливающей ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, – сформулирован квалифицированный состав, учитывающий вероятность наступления длительных негативных последствий в судьбе несовершеннолетних как лиц, которым мог быть причинен вред предусмотренным ею административным правонарушением, чем обуславливается приемлемое с конституционной точки зрения увеличение размера санкций за его совершение.

Поскольку цель нормативного регулирования, установленного частью 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, заключается в недопущении или ограничении соответствующего информационного воздействия на несовершеннолетних и не предполагает автоматического запрета на распространение любой информации в области нетрадиционных сексуальных отношений, конституционно-правовая допустимость запрета на их пропаганду среди несовершеннолетних должна оцениваться исходя из характера информации, понимаемой как пропаганда, ее потенциальной аудитории (целенаправленное информационное воздействие на несовершеннолетних) и места распространения.

3.4. По смыслу статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями. Наличие состава правонарушения является необходимым основанием для всех видов юридической ответственности, при этом признаки состава правонарушения, прежде всего в публично-правовой сфере, как и содержание конкретных составов правонарушений, должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами юридической ответственности. В свою очередь, наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения – общепризнанный принцип привлечения к юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно в законе.

Как следует из статей 49, 50, 52, 54 и 64 Конституции Российской Федерации, принципы презумпции невиновности и виновной ответственности, т.е. наличия вины как необходимого элемента состава правонарушения, выражают общие принципы права при применении

государственного принуждения в сфере публичной ответственности как в уголовном, так и в административном праве. Меньшая по степени общественной опасности по сравнению с преступлениями значимость административных правонарушений как особого вида публично-правовых деликтов не означает, что они могут быть исключены из сферы действия конституционного права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство.

Соответственно, конкретизируя положения статей 17 (части 1 и 3), 46 (части 1 и 2), 49 (часть 1), 51 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в статье 1.5 предусматривает, что лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина (часть 1); лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном данным Кодексом, и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело (часть 2). По смыслу части 1 статьи 1.5 данного Кодекса во взаимосвязи с пунктом 2 части 1 его статьи 24.5, отсутствие вины в совершении административного правонарушения является одним из обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении. Вина в совершении административного правонарушения устанавливается в процессе производства по делу об административном правонарушении.

Приведенные правовые позиции, изложенные в ряде решений Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 25 января 2001 года № 1-П, от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П и от 25 февраля 2014 года № 4-П; определения от 9 апреля 2003 года № 172-О, от 7 декабря 2010 года №

1570-О-О и др.), распространяются и на регулирование, установленное статьей 6.21 КоАП Российской Федерации.

Объективная сторона предусмотренного данной статьей деяния как правонарушающего действия, адресованного непосредственно несовершеннолетним, не включает в качестве элемента последствия получения ими информации о нетрадиционных сексуальных отношениях и, будучи ограниченной лишь самим противоправным действием, не предполагает подтверждения того, что распространенная лицом информация действительно повлияла на формирование у ее адресатов нетрадиционных сексуальных установок, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений либо интереса к таким отношениям.

Это означает, что и субъективная сторона формального состава такого правонарушения, как пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, не может охватывать ее последствия и заключается лишь в осознании цели данного противоправного действия. Наличие или отсутствие такой цели, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 24 октября 2013 года № 1718-О, подлежит установлению наряду с иными фактическими обстоятельствами судами общей юрисдикции и (или) иными органами и должностными лицами, которым при оценке тех или иных конкретных действий следует учитывать изложенную в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 года № 15-П правовую позицию о необходимости разграничения информирования и агитации как совокупности действий, побуждающих или имеющих целью побудить субъектов правовых отношений к определенному поведению.

При установлении в рамках конкретного административно-деликтного производства, обладает или не обладает указанными признаками пропаганда, подпадающая под предусмотренный частью 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации запрет, правоприменительные органы не

могут не принимать во внимание специфику адресата этой пропаганды – несовершеннолетних, а адресующее им ту или иную информацию в столь деликатной сфере, как сексуальные отношения, лицо должно осознавать, что обычное, с его точки зрения, информирование в конкретной ситуации может иметь свойства агитации (пропаганды), если будет доказано, что его целью являлось распространение (или тем более – навязывание) информации определенного содержания. Вместе с тем тот факт, что информация о нетрадиционных сексуальных отношениях оказалась или могла оказаться доступной для несовершеннолетних, сам по себе, в отрыве от всех обстоятельств дела, не может служить основанием для применения к этому лицу мер государственного принуждения в форме административной ответственности, – противоправным и административно наказуемым может признаваться только умышленное совершение лицом соответствующих публичных действий, непосредственно направленных на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, либо умышленное совершение тех же действий лицом, которое сознательно допускало, что среди получателей информации могут быть несовершеннолетние, или относилось к этому безразлично.

3.5. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 23 декабря 1997 года № 21-П, от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 8 ноября 2012 года № 25-П, от 22 апреля 2013 года № 8-П и др.), в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений; хотя механизм действия закона должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений прежде всего из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся во взаимосвязи нормативных положений, не исключаются случаи, когда необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута путем выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в том числе

на основе обобщения судебной практики применительно к конкретной сфере общественных отношений и с учетом особенностей реализуемых прав и законных интересов граждан; в тех случаях, когда в судебной практике допускается придание тем или иным законоположениям нормативно-правового смысла, влекущего нарушение реализуемых на их основе конституционных прав, возникает вопрос о соответствии этих законоположений Конституции Российской Федерации, который подлежит разрешению Конституционным Судом Российской Федерации, с тем чтобы исключить их применение и истолкование в значении, противоречащем конституционным нормам.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации имеют значение и при оценке установленного федеральным законодателем правового регулирования административно-деликтных отношений, в рамках которого не исключается – в частности, с учетом особенностей конкретных объектов правовой охраны и необходимости адекватного и пропорционального применения административно-правовых запретов в условиях многообразия складывающихся в конкретной сфере моделей поведения – использование оценочных или общепринятых понятий (категорий), притом что вытекающее из Конституции Российской Федерации требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм, предполагающее доступность административно-правового запрета для восприятия и его понятность субъектам соответствующих правоотношений, может обеспечиваться также с помощью даваемых судами разъяснений по вопросам их применения (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2003 года № 16-П, от 14 апреля 2008 года № 7-П, от 5 марта 2013 года № 5-П и др.).

При рассмотрении дел, касающихся правоприменительной практики нижестоящих судов, а также проверки законов субъектов Российской Федерации, принятых ранее вступления в силу статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, но содержащих сходные с ней нормативные

положения, на их соответствие федеральному законодательству об административных правонарушениях, Верховный Суд Российской Федерации исходил из того, что понятие «пропаганда» предполагает активные публичные действия по формированию в сознании установок и (или) стереотипов поведения либо деятельность, имеющую цель побудить или побуждающую лиц, которым она адресована, к совершению каких-либо действий или к воздержанию от их совершения, в связи с чем запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений не препятствует реализации права получать и распространять информацию общего, нейтрального содержания о нетрадиционных сексуальных отношениях, проводить публичные мероприятия в предусмотренном законом порядке, в том числе открытые публичные дебаты о социальном статусе сексуальных меньшинств, не навязывая их жизненные установки несовершеннолетним как лицам, не способным в силу возраста самостоятельно критически оценить такую информацию (определения от 15 августа 2012 года № 1-АПГ12-11, от 7 ноября 2012 года № 87-АПГ12-2 и от 27 февраля 2013 года № 46-АПГ13-2).

Поскольку статьей 126 Конституции Российской Федерации на Верховный Суд Российской Федерации возложены функции по обеспечению судебного надзора за деятельностью судов и даче разъяснений по вопросам судебной практики в целях достижения ее единообразия, суды при применении части 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации должны учитывать его выводы, в том числе при решении вопросов, касающихся проведения публичных мероприятий, цели которых связаны с представлением позиции лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. При этом они во всяком случае не вправе исходить из расширительного толкования запрета, установленного частью 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации.

4. Таким образом, часть 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему

конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – она направлена на защиту таких конституционно значимых ценностей, как семья и детство, а также на предотвращение причинения вреда здоровью несовершеннолетних, их нравственному и духовному развитию и не предполагает вмешательства в сферу индивидуальной автономии, включая сексуальное самоопределение личности, не имеет целью запрещение или официальное порицание нетрадиционных сексуальных отношений, не препятствует беспристрастному публичному обсуждению вопросов правового статуса сексуальных меньшинств, а также использованию их представителями всех не запрещенных законом способов выражения своей позиции по этим вопросам и защиты своих прав и законных интересов, включая организацию и проведение публичных мероприятий, и – имея в виду, что противоправными могут признаваться только публичные действия, целью которых является распространение информации, популяризирующей среди несовершеннолетних или навязывающей им, в том числе исходя из обстоятельств совершения данного деяния, нетрадиционные сексуальные отношения, – не допускает расширительного понимания установленного ею запрета.

Соответственно, оценка конкретных действий лица как подпадающих под запрет, установленный частью 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, предполагает недопустимость формального подхода при принятии решения судами общей юрисдикции, которые должны учитывать весь комплекс фактических обстоятельств, подтверждающих или, напротив, опровергающих наличие в этих действиях признаков противоправной пропаганды или навязывания информации, направленности на недопустимую популяризацию среди несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных отношений, а также время, место и способ распространения соответствующей информации, мотивы, которыми руководствовалось распространявшее ее лицо, в том числе с точки зрения их значения для

обеспечения защиты прав и законных интересов лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – она направлена на защиту таких конституционно значимых ценностей, как семья и детство, а также на предотвращение причинения вреда здоровью несовершеннолетних, их нравственному и духовному развитию и не предполагает вмешательства в сферу индивидуальной автономии, включая сексуальное самоопределение личности, не имеет целью запрещение или официальное порицание нетрадиционных сексуальных отношений, не препятствует беспристрастному публичному обсуждению вопросов правового статуса сексуальных меньшинств, а также использованию их представителями всех не запрещенных законом способов выражения своей позиции по этим вопросам и защиты своих прав и законных интересов, включая организацию и проведение публичных мероприятий, и – имея в виду, что противоправными могут признаваться только публичные действия, целью которых является распространение информации, популяризирующей среди несовершеннолетних или навязывающей им, в том числе исходя из обстоятельств совершения данного деяния, нетрадиционные сексуальные отношения, – не допускает расширительного понимания установленного ею запрета.

2. В силу статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» конституционно-правовой смысл части 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является обязательным на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

3. В силу статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» нормы, содержащиеся в иных нормативных правовых актах Российской Федерации, а также в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, аналогичные части 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, подлежат применению в соответствии с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении.

4. Граждане Алексеев Николай Александрович, Евтушенко Ярослав Николаевич и Исаков Дмитрий Алексеевич вправе воспользоваться предусмотренными действующим законодательством процедурами обжалования вынесенных по их делам судебных решений в целях проверки соблюдения судебными органами, с учетом фактических обстоятельств каждого конкретного дела, конституционно-правовых критериев применения запрета, установленного частью 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, как они определены в настоящем Постановлении.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой

информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 24-П